

17. *Romance* // Encyclopaedia Britannica. URL: <http://global.britannica.com/art/romance-literature-and-performance> (дата обращения: 03.12.2015).

18. *Scott W. Essays on Romance* // *Essays on Chivalry, Romance and Drama*. Edinburgh ; London, 1834. Vol. 4. P. 127 – 217.

19. *Watt I. The Rise of the Novel: Studies in Defoe, Richardson and Fielding*. Berkeley ; Los Angeles, 1974.

Об авторе

Наталья Георгиевна Владимирова — д-р филол. наук, проф., Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград.

E-mail: natvl_942@mail. ru

54

About the author

Prof. Nataliya Vladimirova, I. Kant Baltic Federal University, Kaliningrad.

E-mail: natvl_942@mail. ru

УДК 82.0

А. О. Иерусалимская

О СООТНОШЕНИИ ТЕРМИНОВ «ПОЛИДИСКУРСИВНОСТЬ» И «ИНТЕРДИСКУРСИВНОСТЬ»

На основе словообразовательного анализа номинации «полидискурсивность» обосновывается ее предпочтительность перед иными синонимичными терминами, употребляемыми в русской научной литературе. Полидискурсивность и интердискурсивность рассматриваются как различные аспекты одного и того же явления. Предлагается определение полидискурсивности, фиксирующее значение, в котором данный термин с наибольшей регулярностью используется в научной литературе.

Based on a word formation analysis of the 'poly-discursivity' nomination, the author stresses its superiority over other synonymous terms used in the Russian research literature. Poly-discursivity and inter-discursivity are considered as different aspects of the same phenomenon. The proposed definition is based on the meaning most often associated with the term in the research literature.

Ключевые слова: полидискурсивность, интердискурсивность, дискурс, полидискурс, дискурсивные формации, текст, интертекстуальность, поликодировость.

Key words: poly-discursivity, inter-discursivity, discourse, poly-discourse, discourse formations, text, intertextuality, poly-code.

Современные тенденции в развитии гуманитарных наук, в частности, проявляющиеся в постановке и решении проблем, имеющих сложный, междисциплинарный характер, создали условия для стремительного роста интереса к вопросам дискурса и дискурсивности. «...Поли-

парадигматичность дискурса и отсутствие у него универсального определения является не чем иным, как требованием времени, необходимостью, что в свою очередь обеспечивает высокую степень его функциональности» [4, с. 125–126].

Дискурс — это «высказывание, речевой акт текстопорождения, включающий в себя слушающего наравне с говорящим и рассматриваемый как “коммуникативное событие социокультурного взаимодействия” (ван Дейк) субъекта, объекта и адресата» [9, с. 60]. Дискурс, «“умирая” в тексте, всегда имеет возможность возродиться в ответном речевом акте — воскреснуть, преобразившись в контексте другого сознания, но оставаясь идентичным себе в своей коммуникативной событийности» [10, с. 55].

Полидискурсивность — термин, достаточно редко встречающийся в отечественной научной литературе. Иногда он фигурирует как «полидискурсивность». В частности, этот вариант используется в статье Е. В. Белоглазовой «Полидискурсивность как особый исследовательский фокус», в то время как более устоявшиеся термины она приводит в двойном, «смешанном» написании: «дискурс(ив)ный», «интердискурс(ив)ный». В защиту своего предпочтения автор цитирует высказывание признанного русиста М. Н. Кожинной, которая считает более свойственным русскому языку перенос французского термина в форме «дискурсивный» и отмечает, что именно она представлена в переводе «Квадратуры смысла» П. Серию [2, с. 67]. Мы считаем более приемлемой форму «полидискурсивность» («интердискурсивность», «дискурсивность») — как более частотную в употреблении и оттого более привычную, а также не имеющую скопления согласных, следовательно, более благозвучную. Семантически эти варианты не различаются, являясь «параллельными» формами, образованными в результате переноса французского термина в русский язык.

Как сообщает Е. В. Белоглазова, термин «полидискурсивность» предложила В. А. Андреева, которая пишет: «как правило, в определенном тексте можно обнаружить артикуляции не одного, а нескольких дискурсов, иными словами, любой литературно-повествовательный текст представляет собой полидискурсивное образование» [2, с. 68]. Однако, по утверждению Белоглазовой, Андреева этот термин не отделяет, она попросту заменяет им использовавшееся в той же монографии слово «интердискурсивность», не проводя между ними никакого различия.

Соглашаясь с Белоглазовой в том, что понятия «интердискурсивность» и «полидискурсивность» представляют различные аспекты явления, и их следует разграничить, мы, однако, не можем принять предложенного ею определения полидискурсивности. Признавая в качестве дискурсогенного фактора только идеологическую общность, она считает, что на ее основе могут быть структурированы отдельные выделяемые в них дискурсы, «и лишь ядро этой структуры может быть названо собственно *полидискурсом*, то есть набором специальных дискурсов, воспроизводящим себя в открытом множестве текстов, объединенных общей сферой применения и специфичной идеологией» [2, с. 70]¹.

¹ Здесь и далее курсивы в цитатах — авторские. — А. И.

Однако для описываемого Белоглазовой «набора» уже существует термин «дискурсивная формация», которую Фуко определяет как закономерность между объектами, типами, темами и понятиями высказываний, «избегая тем самым таких, слишком отягощенных условиями и следствиями слов, как “наука”, или “идеология”, “теория”, или “область объективности”...» [11, с. 93]. То, что данный термин не прижился, по крайней мере среди отечественных исследователей, не повод для того, чтоб придумывать ему замену. Вместо «дискурсивной формации», как правило, используют слово «дискурс», и это, в принципе, работает. В тех же случаях, когда многозначность этого термина неприемлема, логичнее было бы восстановить понятие «дискурсивная формация».

«Современный толковый словарь» определяет «поли-» как «часть сложных слов, указывающую на множество, всесторонний охват или разнообразный состав чего-либо» [6]. Наше понимание полидискурсивности включает все три указанных компонента значения — это и «множество», и «всесторонний охват», и «разнообразный состав» дискурсов в тексте. В определении Белоглазовой «поли-» указывает только на множественность оттенков, а «всесторонний охват» и «разнообразный состав» оно не передает. Несмотря на то что определения в приведенной нами словарной статье связаны между собой дизъюнкцией, а не конъюнкцией, такие обстоятельства, как наличие адекватного термина для определяемой сущности и уже осуществленное введение (пусть интуитивное, без развернутого обоснования) термина «полидискурсивность» в смысле наличия нескольких дискурсов в одном тексте, делают определение Белоглазовой неоправданным.

Белоглазова упрекает Андрееву в том, что она «переосмысляет концепцию французской школы анализа дискурса, произвольно заменяя интердискурсивность на полидискурсивность... что мало способствует становлению общей теории дискурса» [2, с. 68]. На наш взгляд, здесь имеет место не замена, а выделение одного из аспектов интердискурсивности. Слово «полидискурсивный» у Андреевой выступало как уточняющее, конкретизирующее определение, возникшее на основе интуитивного восприятия морфемы «поли-», поэтому и не осознавалось в качестве термина, который нужно вводить, и замены, которую нужно научно обосновывать.

Морфема «интер-» в повседневной речи чаще всего несет в себе смысл «интернациональный» и уже в этом качестве входит в состав сложных слов, например, *интердвижение*, *интербригада* и др. В исходном же значении (сформировавшем слово «интернациональный», от которого в последствии вновь отделилась, впитав в себя его семантику) морфема «интер-» определяется как приставка, которая «образует существительные и прилагательные с тем же знач., что меж, между, напр., интергранула, интерлингвистика» [8]. «Кембриджский онлайн-словарь определяет» «интер-» как префикс, используемый для формирования прилагательных, означает «между или среди указанных людей, вещей или мест» [12].

Морфема «интер-» указывает на диалогичность. В случае интертекстуальности — это связь между текстами, причем не синхроническая, а диахроническая, поскольку предполагается, что предтекст(ы) существ-

вовал(и) ранее, а интертекст возник позже. В случае интердискурсивности — это переключение, смена кодов, происходящая во времени, так как переключение — это процесс, а не состояние. Л. М. Бондарева определяет интердискурсивность как процесс диалектического взаимодействия интегративных сил совокупного дискурсивного пространства и реинтегративных сил отдельных типов дискурса [3, с. 86].

Полидискурсивностью же, по нашему мнению, наиболее логично и правомерно называть именно то, что было определено у Андреевой, а именно — наличие нескольких дискурсов в одном тексте.

Интердискурсивность и полидискурсивность неразрывно взаимосвязаны. Для того чтобы существовала связь между дискурсами, должна существовать множественность дискурсов, но несколько дискурсов в одном тексте не могут сосуществовать изолированно, связность текста предполагает наличие между ними тех или иных отношений. Можно сказать, что интердискурсивность и полидискурсивность — это диахронический и синхронический аспекты одного и того же явления.

Система дискурсов лежит в основе субъектной организации литературных произведений. Дискурс здесь — часть текста, отличающаяся единством субъекта высказывания и способа высказывания [7, с. 30–31]. Интердискурсивность — это смена и субъекта речи, и способа высказывания как композиционной формы повествования. Анализ полидискурсивного текста, стилистическая детализация дискурсов достигается методом глоссализации. Речевая генерализация текста, восприятие полидискурсивного текста как целого осуществляется посредством ритмизации.

М. М. Бахтин отмечает: «Нам дан текст, занимающий какое-то определенное место в пространстве, то есть локализованный; создание же его, ознакомление с ним протекают во времени» [1, с. 401]. Однако нам видится, что соотношение время-пространство для читателя и исследующего текст ученого будет различным. Так, фактор пространственного восприятия у исследователя будет более значимым, чем у человека, воспринимающего текст *непосредственно*. Чтобы преодолеть герменевтический круг, ученый читает текст столько раз, что, в конце концов, видит его перед собой целиком, *одномоментно*. Он может свободно передвигаться вперед и назад, вырывать цитаты, извлекать смыслы. «Текст как таковой не является мертвым...» [1, с. 401] — продолжает Бахтин. Да, но исследователь производит некий поперечный срез, он *считывает* текст в *данный момент* и оставляет текст жить дальше, чтоб его *считывали* другие ученые. Как художник, изображающий живого натурщика, просит его не шевелиться, так и исследователь, интерпретируя живой текст, рассматривает его в некой статичности — анатомически, археологически.

Поэтому мы считаем, что термин «полидискурсивность», определяемый как присутствие нескольких дискурсов в тексте, при всей предельной простоте и очевидности такого определения эвристичен, так как прочно связывает понятие дискурса с текстом (тогда как в случае с интердискурсивностью мы имеем дело с когнитивными процессами, результаты изучения которых не всегда можно адекватно экстраполировать на филологию). В то же время это избавит нас от вынужденного

сужения, ограничения, уплощения существующих терминов, таких как «дискурс», «интердискурсивность», что даст возможность применять их в тех случаях, когда требуется выразить обозначаемые ими смыслы.

Примечательно, что и И. Силантьев в книге «Газета и роман: Риторика дискурсных смещений» не дает определения полидискурсивности (хотя определения других понятий — «текст», «дискурс», «тело дискурса», «высказывание» — в книге представлены). Отметив, что «всякий текст *полиморфен* в дискурсном плане» [5, с. 31], автор в дальнейшем часто говорит о «полидискурсивности и интердискурсивности». Таким образом, полидискурсивность имплицитно определяется как «полиморфность в дискурсном плане», а затем термин неоднократно употребляется в сочетании с «интердискурсивностью», выражая тем самым отдельный аспект того же явления. Здесь мы видим пример такого же интуитивного понимания полидискурсивности, что в очередной раз доказывает необоснованность введения нового определения Е. В. Белоглазовой, в котором она наделяет термин смыслом, отличным от интуитивно воспринимаемого, то есть уже фактически существующего в культуре.

Список литературы

1. Бахтин М. М. *Формы времени и хронотопа* в романе // Бахтин М. М. *Вопросы литературы и эстетики*. М., 1975.
2. Белоглазова Е. В. Полидискурсивность как особый исследовательский фокус // *Известия СПбУЭФ*. 2009. №3. С. 66–71.
3. Бондарева Л. М. Некоторые аспекты теории интердискурсивности // *Пелевинские чтения — 2007: межвуз. сб. науч. тр.* Калининград, 2007. С. 83–87.
4. Осипов Г. А. Взгляды и тенденции в современной теории дискурса // *Вестник Адыгейского государственного университета*. Сер. 2: Филология и искусствоведение. 2011. №1. С. 125–128.
5. Силантьев И. В. *Газета и роман: Риторика дискурсных смещений*. М., 2006.
6. *Современный толковый словарь*. URL: <http://baldatop.online/dictionary> (дата обращения: 08.10.2015).
7. *Теория литературы* / под ред. Н. Д. Тмарченко. М., 2004. Т. 1.
8. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. *Толковый словарь русского языка*. М., 2003.
9. Тюпа В. И. *Дискурс* // *Поэтика. Словарь актуальных терминов и понятий* М., 2008. С. 60.
10. Тюпа В. И. *Дискурсивные формации. Очерки по компаративной риторике*. М., 2010.
11. Фуко М. *Археология знания*. СПб., 2004.
12. *Cambridge Dictionaries Online*. URL: http://dictionary.cambridge.org/dictionary/british/inter_2 (дата обращения: 08.10.2015).

Об авторе

Анна Олеговна Иерусалимская — асп., Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград.
E-mail: anna.ierusalimskaya@gmail.com

About the author

Anna Ierusalimskaya, PhD student, I. Kant Baltic Federal University, Kaliningrad.
E-mail: anna.ierusalimskaya@gmail.com